

УДК 316.346.32-053.81

ПАРАМЕТРЫ ДЕСТРУКТИВНОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В. П. Рожков

Саратовский государственный университет
E-mail: vladim-rozhkov@yandex.ru

В статье исследуется методологический ресурс деятельностного подхода в определении параметров деструктивности в процессе социализации молодежи. Автор доказывает, что его использование методологически ориентирует на поиск факторов деструктивности в сферах жизнедеятельности общества и сознания; на этом основании он обозначает параметры деструктивности в ареале взаимодействия информационно-коммуникативной среды и когнитивных структур сознания.

Ключевые слова: деятельность, социализация, общество, сознание, отчуждение, информация, коммуникация, симуляция.

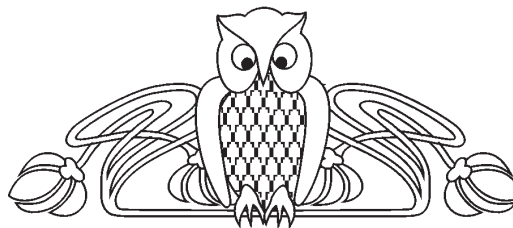
Parameters of Destruction in Youth's Socialization: Aspects of Methodology

V. P. Rozhkov

In the article the methodological resource of the activity-related approach to define parameters of destructive pattern in the process of socialization of youth's is investigated. The author demonstrates that use of this methodological resource focuses on process of search of destructive behavior factors in areas of social livelihood and person's conscious. Based on the performed study, the author specifies the level of the interaction of the destructive behavior parameters in information and communication fields as well as the cognitive structures.

Key words: activity, socialization, society, alienation, information, communication, simulation.

Методологический аспект определения параметров социальной деструктивности ориентирует на решение двух изначальных задач: выделение исходной категории, понятийно обозначающей динамико-образующее основание изучаемого явления и осуществление методологического выбора, дающего возможность исследовать уровни его (познаваемого явления) динамики. Представляется, что решение первой задачи может быть связано с введением такой истоковой в рассматриваемом случае категории как «социализация», которая выражает сложный, многокачественный процесс взаимодействия человека и общества. Изучение этого многомерного явления естественно предполагает использование множества разнообразных, в том числе и полярных принципов, подходов и методов, универсализуемых в пространстве исторически сложившихся философских парадигм. И это правомерно: проявления человека как индивидуального и социального субъекта слишком

многообразны и противоречивы по содержанию и формам.

С позиции научно-рационального направления классической философии социализация может быть связана с воспитанием и формированием личности или с обретением человекоподобным существом человеческой сущности в концептах homo sapiens, homo faber, homo spiritus, а в марксистской установке – homo socialis. Именно в последней методологической посылке к социальной константе «человечности» в человеке социализация обретает филогенетический (в формировании родовых свойств человечества) и онтогенетический (в становлении конкретного типа личности) смысл. В таком случае по категориальному содержанию ее логично определить следующим образом: *социализация – это процесс освоения индивидом исторически определенной системы знаний, умений, навыков, ценностей, норм и способов личностной самореализации как полноценным участником воспроизводства и преобразования социокультурной формы жизни*. Методологическая посылка к концепту homo socialis при выведении предлагаемого определения дополняется методологической ориентацией на концепты homo sapiens и homo faber, о чем свидетельствует включение в понятие социализации сигнально-смысловых терминов и выражений «знания», «умения», «навыки», «способы самореализации», «преобразование социокультурной формы жизни».

Если содержание сформулированного определения социализации разобрать в методологическом контексте, то можно обнаружить ключ к решению второй задачи. Во-первых, в нем просматривается принцип дополнительности в выводимых методолого-концептуальных обращениях. Так, центральная методологическая посылка к концепту homo socialis в предлагаемом определении, как было отмечено выше, дополняется методологической ориентацией на концепты homo sapiens и homo faber. Во-вторых, логически обусловленным результатом подобной реализации принципа дополнительности становится методологический выбор *деятельностного подхода*, аккумулирующего одно из фундаментальных

понятий классической философской традиции – «деятельность». Рационалистическое конструирование концепции деятельности осуществляется в пространстве классической философии. Однако методологическое использование деятельностного подхода отчетливо просматривается в теоретических построениях неклассической философии. Показателен в этом отношении методологический инструментарий диалектического и исторического материализма К. Маркса и Ф. Энгельса.

Антропологический аспект марксистской концепции деятельности базируется на методологическом обращении к первичности материального начала в человеческом существе. Отсюда все проявления разума трактуются как результат высшей психической деятельности, отражение природного и социального. На этом основании марксизм трансформирует идеи человека разумного и деятельного в доктрину человека социального. Именно в этом, а не в отсутствии антропологической темы вообще, проявляется, как надо полагать, один из признаков социотризма марксистской теории. Если же попытаться выявить интерпретацию историческим материализмом связи концептов «человек социальный» и «деятельность», то становится очевидным, что она проводится через категорию труда, отождествляемого с целесообразной деятельностью человека, под которой опосредованно подразумевается орудийное воздействие человека на природу с целью создания предметов (предметного мира), удовлетворяющих человеческие потребности. Это отчетливо просматривается при систематизации следующих ключевых характеристик сущности человека:

«человек есть часть природы», «человек живет природой», «природа есть неорганическое тело человека»;

человеческая «сущность природы существует только для общественного человека; ибо только в обществе природа является для человека звеном, связывающим человека с человеком»;

труд как практическое «созидание предметного мира, переработка неорганической природы есть самоутверждение человека как сознательного родового существа...»¹.

Приведенные положения позволяют характеризовать человека как предметно-социально-деятельностное, или общественно-производящее существо. Следовательно, в марксистской парадигме деятельность обретает культурно-универсально-преобразовательный смысл как специфически человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование.

В марксистки ориентированных науках о человеке общепризнано, что воплощая эту специфику или самоутверждаясь как «сознательное родовое существо», человек изначально создает между собой и природой «внеприродного», «орудийного» посредника, с помощью которого

начинает преобразовывать природный мир для «возможности жить» как человек. Создание такого посредника определяется К. Марксом как производство средств для удовлетворения первичных жизненных потребностей, а в широком смысле – как «производство самой материальной жизни» или «первый исторический акт»². В приведенном положении содержится ключ к обоснованию социального характера деятельности объективной необходимостью совместной деятельности мужчины и женщины при производстве жизни других людей посредством деторождения.

Естественно, возникающие в процессе такой совместной деятельности между мужчиной и женщиной общение, связь и отношение представлялись К. Марксу как «единственное» «вначале» социальное отношение, а оформляющая подобное социальное отношение «простая семья» логично воспринималась как первичная социальная общность, постепенно перерастающая в «сложную семью, так называемый племенной строй». Эти формы общения рассматривались теоретиком диалектического и исторического материализма как предпосылки «гражданского общества»³.

В итоге методологический ресурс деятельностного подхода в контексте концептуальной связи деятельности и «социальности» можно концентрированно выразить следующим категориальным рядом: производство жизни ↔ совместная деятельность ↔ общение ↔ связь ↔ общественные отношения ↔ социальная общность ↔ общество.

Одновременно реконструируемая связь выделенных категорий в проекции «совместная деятельность ↔ общение» методологически подводится в марксизме к выявлению еще одной связи – связи общения (а значит, и совместной деятельности), языка и сознания. «Язык так же древен, как и сознание; язык есть практическое, существующее также и для меня самого действительное сознание, – приходит к выводу К. Маркс, – и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из необходимости общения с другими людьми»⁴. Таким образом, марксизм создавал теоретическую предпосылку для расширения пространства методологического ресурса деятельностного подхода, которое правомерно выражается категориальным рядом: совместная деятельность ↔ общение ↔ язык ↔ сознание индивидуальное ↔ общественное сознание.

Выделенный категориальный ряд содержит и еще одну теоретическую возможность, а именно выделение духовного ареала в материальной деятельности. Разработка деятельностного подхода в этом направлении подвела К. Маркса к заключению о первоначальной вплетенности сознания в материальную деятельность и последующем разделении труда как материальной и духовной деятельности, а также о следствии этого разделения – проявлении социального противоречия и отчуждения⁵. Категориально это направление

методологического потенциала деятельностного подхода правомерно выразить следующим образом: совместная деятельность ↔ материальная деятельность ↔ духовная деятельность ↔ разделение труда ↔ социальное противоречие ↔ отчуждение.

Проведенное исследование показывает, что деятельностный подход содержит эффективный методологический ресурс для использования в диапазоне научных изысканий по социализации человеческого существа вообще и социализации молодежи в частности. Каждая категория, и тем более категориальный ряд, ориентирует на определенный аспект и самостоятельное направление выявления материальных и внутренних факторов, физических и психических характеристик в конструктивных и деструктивных параметрах сложного и противоречивого процесса социализации современной молодежи.

Прежде всего, если обратиться к первому категориальному ряду, обнаруживается методологическая ориентация на поиск связи процесса социализации с функционированием общества и производством жизни человека. Определение общества в этом ключе может формулироваться соответствующим образом: *общество – социальная общность людей, осуществляющих организованную целенаправленную деятельность, в процессе которой создаются необходимые условия для производства жизни человека*. Естественно, последнее предполагает как биогенетическое производство в деторождении, так и культурное производство в создании социальной среды для превращения рожденного человеческого существа в человека. Иначе говоря, производство жизни человека органично включает в контексте предлагаемого определения общества сложный комплекс социализации ребенка, подростка, молодого человека и т.д.

Вместе с тем выделение производства жизни человека как целевой направленности функционирования общественной системы методологически ориентирует на введение *антропо-социально-виталистического* критерия при оценке характера конкретных форм, средств, способов и направленностей социализации. В случае применения такого критерия соответствующий аспект открывается в обосновании универсальных тенденций-противоречий, выражающих динамику общества. Речь идет о полярных тенденциях разрушения и созидания, проявляющихся в движении социальной системы – и с точки зрения классической, системного подхода, и с точки зрения синергетического.

Если реализовать научно-рациональную установку социальной философии с учетом методологического инструментария рассмотренного категориального ряда деятельностного подхода, то логически обоснованным представляется следующее заключение: тенденции-противоречия созидания и разрушения являются производным

деятельности человека как индивидуального и социального субъекта процесса социализации. Обращаясь к терминологии структурно-функциональной аналитики, можно представить, что в динамике социализации человека вариативно проявляется в виде результирующего вектора доминанта либо конструктивности, либо деструктивности (лат. *destructio* – нарушение, разрушение нормальной структуры чего-либо).

Посылка к *антропо-социально-виталистическому* критерию социализации позволяет конкретизировать данное заключение. Так, становится очевидным неразрывное единство триады человек ↔ общество ↔ производство жизни. Нарушение единства означает разрушение всех трех ее компонентов. Разрушительные процессы в одном из компонентов трансформируются в разрушительные тенденции в двух других. Таким образом, носителями деструктивности могут стать и человек как индивидуальный субъект, и общество как социальный субъект общественных изменений. Более того, деструктивность во взаимосвязи человек ↔ общество характеризуется одновременным прямым и обратным воздействием сторон рассматриваемого отношения. Проще говоря, утверждение деструктивного вектора в социальной динамике как результирующего в столкновении тенденций созидания и разрушения означает, что человек разрушает общество, а общество разрушает человека одновременно. Причем внутренний аспект деструктивности в отношении человек ↔ общество проявляется в том, что человек, разрушая себя, разрушает общество, а общество, разрушая человека, разрушает себя.

Направление разработки внутреннего аспекта (вернее, внутриантропного) деструктивности в социализации человека отражено во втором и третьем категориальных рядах концептуальной реализации деятельностного подхода. Ключевыми категориями выводных рядов являются «сознание» (индивидуальное и общественное) и «отчуждение». Нельзя не отметить, что в современных исследованиях сознания в контексте эволюционно-информационной эпистемологии когнитивная эволюция человека связывается с развитием «самовосприятия» и сопутствующим ему разделением человеческого «Я» и «Мира»⁶.

Усложнение когнитивных способностей в этом отношении сопровождается расширением параметров рецепции «Я» – «Мир», «Я» – «Другой», «Я» – «не Я» в понятийном ряду категорий: «различие» ↔ «разделение» ↔ «раздвоение» ↔ «противоположение» ↔ «отрицание» ↔ «противоречие». Все это означает, что рефлексирующее сознание предрасположено к трансформации рецепции «Я» – «Другой» в оппозицию «Я» – «Чужой» и деструктивному отрицанию «Чужого», когда основной формой отношений становится борьба. Следовательно, информация, способствующая закреплению как в индивидуальном,

так и в общественном сознании такой оппозиции, воспринимается им (сознанием) достаточно легко как установка на деструктивность в социальной деятельности на уровнях отношений: человек ↔ человек, человек ↔ общество, личность ↔ коллектив, индивид ↔ социальная группа, социальная группа ↔ социальная группа, социальная группа ↔ общество, общество ↔ общество, этнос ↔ этнос.

С позиции информационной парадигмы современной фазы цивилизационной динамики цивилизация осуществляется в социальной среде, образуемой потоком циркуляции информации между человеком и обществом. На этом основании логично предположить, что параметры деструктивности в процессе социализации могут образовываться информационными факторами общества с одной стороны, и когнитивными структурами сознания – с другой.

Внутренние условия деструктивной ориентации перцептивного и символического (вербального) сознания выявлены ранее⁷. Что касается информационных факторов общества, то, как представляется, они могут быть классифицированы по разным основаниям. Если учесть, что в проводимом исследовании решается задача изучения деструктивности в социализации молодежи, то правомерно проводить подобную классификацию по процессуально-деструктивному и институционально-информационному основаниям. Первое даст возможность выявить те негативные процессы во всех сферах жизни общества, которые усиливают отчуждение молодого человека от социально престижных видов деятельности. Думается, что среди подобных процессов целесообразно выделить:

резкую дифференциацию в отношениях собственности, разделении труда и распределении общественного продукта;

острую конкуренцию в получении престижных рабочих мест и нарастание безработицы;

ограничение доступа к образованию (в том числе по всем уровням профессионального образования), повышению квалификации и переквалификации;

примитивизацию форм духовного самовыражения, сужение каналов выхода на высший уровень духовно-интеллектуального творчества.

Интенсивное протекание таких процессов в экономической, социально-распределительной, политической и культурной сферах жизнедеятельности способствует обострению ощущения отчуждения, возрастанию проявления агрессивных настроений и готовности к разрушению социальной среды.

Второе ориентирует на анализ институционально-информационного источника деструктивности. В период посткнижной культуры на роль такого правомерно выдвигается глобальная информационно-коммуникационная среда (ИКС), создающая феномен виртуального

сетевого сообщества как пространства социализации молодежи. Средством формирования ИКС и, следовательно, виртуального пространства выступают СМИ, оперирующие информационно-телекоммуникационными технологиями (ИТТ). Инструментарий трансляции виртуальности составляют Интернет, мобильная телефония, телепрограммы, мобильный Интернет, интернет-ТВ и т. п. Все это вместе можно определить как информационно-телекоммуникационный ресурс виртуального социума.

Среди особенностей социальных коммуникаций виртуального социума в исследовании проявлений деструктивности, связанных с воздействием ИТТ на социальные, этнические, религиозные и индивидуальные субъекты, правомерно выделяется с посылкой к работе «Симулякры и симуляция» Ж. Бодрийера такая характеристика, как симулятивность. Именно в симуляции и видится ключ к деструкции социализации, так как в конечном счете тотальная симуляция социальных феноменов ведет к упразднению, а значит, разрушению реальности. Следствием подобной замены реальности спекулятивным образом становится подмена коммуникации симуляцией общения. Думается, что в этом случае можно выделить две исходные зоны деструктивности:

прямого деструктивного воздействия на индивидуальный и социальный субъекты;

опосредованного деструктивного воздействия на индивидуальное и общественное сознание.

Первая образуется ориентацией СМИ и ИТТ на создание виртуального пространства катастроф, когда индивидуальному субъекту постоянно транслируется информация о происходящих природных, техногенных, гуманитарных, социальных катастрофах. Сюда же относятся, к примеру, все формы ИТТ, содержание которых составляет апологетика вооруженных видов борьбы, индивидуального и массового террора, социальных переворотов, межнационального и межконфессионального насилия и кровопролития. Вторая включает в свой ареал завуалированные типы информационного воздействия на психику, сознание, интеллектуальное развитие и духовные ценности человека. Целевая направленность содержания подобного воздействия предполагает «размывание» смыслов и значений в системе таких культурных универсалий, как ценности, знания, деятельность. Эффективность противостояния обозначенному деструктивному воздействию на процесс социализации молодежи в целом определяется, как можно предположить, уровнем информационной культуры.

Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (ГК № 02.740.11.0592).

Примечания

- ¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. 2-е изд. М., 1974. Т. 42. С. 92, 93, 118.
- ² Маркс К., Энгельс Ф., Фейербах Л. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения : в 3 т. М., 1983. Т. 1. С. 19–20.

- ³ Там же. С. 28–29.
- ⁴ Маркс К., Энгельс Ф., Фейербах Л. Там же. С. 22.
- ⁵ Там же. С. 13, 22, 23, 26.
- ⁶ Бескова И. А., Герасимова И. А., Меркулов И. П. Феномен сознания. М., 2010. С. 72–73.
- ⁷ Рожков В. П. Методология разорванного мира // Духовный континент русской философии. Саратов, 2009. С. 201–211.

УДК 1(100)+929 Конфуций

КРОССКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: ФИЛОСОФСКО-КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ

Э. Р. Фахрудинова

Саратовский государственный университет
E-mail: elmirafah@yandex.ru

В статье представлена специфика кросскультурного диалога в пространстве современного глобального мира. В работе сформулирован вывод о том, что диалог культур в настоящее время является условием для самосохранения человечества.

Ключевые слова: диалог, взаимодействие, культура, конфуцианство, компаративистика, кросскультурный диалог, глобализация.

Cross-cultural Dialogue in the Global World: Philosophical-Comparative Analysis

E. R. Fakhrudinova

This article represents a specific cross-cultural dialogue in a space of modern global world. We have formulated the conclusion that the dialogue of cultures nowadays is a condition of mankind's self-preservation.

Keywords: dialogue, interaction, culture, Confucianism, comparative studies, cross-cultural dialogue, globalization.

Понятие «кросскультурный диалог», как и «диалог цивилизаций», вошло в лексикон и стало привычным словосочетанием в философии, политологии и культурологии относительно недавно, хотя история всего человечества представляет собой диалог, взаимодействие, являясь средством реализации коммуникационных связей, условием взаимопонимания людей. Тем не менее о диалоге применительно к взаимоотношениям именно культур и цивилизаций широко заговорили лишь в конце XX в. в связи с мировым кризисом и переходом от индустриального общества к постиндустриальному.

Проблемы кросскультурного взаимодействия и диалога, когда выявляются параллелизм и аналогия в развитии различных философских систем Востока и Запада, относятся к первостепенным и труднейшим проблемам современной философии,

стремящейся к самообновлению. Исследования по данной проблематике ведутся в рамках философской компаративистики, сравнительного анализа восточной и западной культур и проекта создания глобальной этики, или макроэтики. Однако этим исследованиям не хватает сбалансированности вследствие недостаточной изученности восточной традиции. «Компаративная философия как “понимающая” наука, как философствование по поводу *сходств* (сведения к единообразию, к общим представлениям об объектах сравнения), построение теоретической типологизации (отражающей развивающийся объект, обнаруживающей переход от сходства к различию, переход в “свое другое”), и *различий*, опирающаяся на результаты смежных философских дисциплин, ориентирована на *создание транскультурного основания для сравнения и понимания философских культур и традиций*. В этой связи сравнение является не только техникой сопоставления, различения и объединения, а познавательно-преобразовательным мировоззрением, которое предполагает не только изобретение определенных знаний и навыков, а коррекцию и иногда глубокую *перестройку ценностных структур культуры*, личности, помогая человеку изменить, перестроить социально-культурную среду своего обитания»¹.

Идея диалога имеет свои давние традиции. Древнейшие историко-философские тексты Индии наполнены идеей единства культур и народов, макро- и микрокосмоса, размышлениями о том, что здоровье человека во многом зависит от особенностей его взаимоотношений с природой. Изучением диалога занимались также древнегреческие философы-софисты, Сократ, Платон, Аристотель, философы эпохи эллинизма. Диалоговое пространство ими было сформировано на основе